

М. И. КОЗЛОВА

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В «РАЗГОВОРЕ О БЕССМЕРТИИ ДУШИ» М. М. ЩЕРБАТОВА

XVIII век с его политическими и социокультурными трансформациями, изменением ценностных ориентиров и поведенческих стереотипов оказался переломным для российской интеллектуальной элиты. Процесс формирования самосознания и обретения идентичности дворянским сословием был связан, с одной стороны, с потребностью в признании, ожиданием позитивной оценки со стороны «своих», с другой, — с внутри- и межсословными противоречиями, самоопределением в системе «свои» и «чужие». Проблема сплочения интеллектуально-аристократической «корпорации» на основе единства мировоззрения, взглядов и ценностей стала особенно острой в правление Екатерины II, стремившейся контролировать всю общественную и культурную жизнь в стране¹. При этом любые формы противостояния официальной идеологии и борьбы с самовластием расценивались как вызов политике «просвещенной императрицы». Интеллектуальная деятельность продолжала быть едва ли не единственным средством борьбы против крайних проявлений деспотизма за свободу дворянского сословия.

Виднейший представитель российской элиты екатерининского времени князь М. М. Щербатов (1733–1790) выдвинул собственный проект ограничения российского самодержавия в духе аристократической соборности. Но рефлексия Щербатова по поводу трансформирующейся действительности не встретила сочувствия у современников. Проблема интеллектуального одиночества, обострившаяся незадолго до его преждевременной кончины, была актуальной для Щербатова на протяжении всей жизни:

¹ Подробнее о проблеме консолидации дворянства см.: *Марасинова Е. Н.* Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства (последняя треть XVIII в.) // *История СССР.* 1990. № 4. С. 170.

Уединенну жизнь хоть многие хвалили
Но я веселья в ней не мог себе найтить².

Щербатов, гораздо более образованный, чем многие его современники-дворяне, оказался несозвучным эпохе, выглядел в среде российской аристократии инородным телом, «чужим» среди «своих»:

На то ли человек на свете сем родился,
Чтоб сам, страшася всех, противен был он всем?
На то ль умом своим, с каким он предпочтился,
Чтоб не полезен был он обществу ни в чем?

Страдая от духовного одиночества («Зачем творец ему даровал сер[д]це нежно»), но и в равной мере от того, что многие его идеи так и не нашли достойного отклика, а естественная для интеллектуала потребность в адекватной оценке оставалась неудовлетворенной, Щербатов справедливо полагал, что человек не должен и не способен жить изолированно от других:

Затем имеет он над протчими скотами
Дар, что может он свою мысль изъяснять,
И видом он своим и ясными словами
Подобнаго себе на помочь к себе звать...
...Когда живя один, закрыл к сему кто дверь,
Глагола б я лишил, естлиб то в моей воле,
Не столь то человек, столь есть он дикой зверь...³

В условиях, когда обращение к реальным собеседникам не находило должного отклика и понимания, российский мыслитель был вынужден вступать в воображаемый диалог с возможными единомышленниками, персонажами различных исторических эпох⁴, вы-

² Щербатов М. М. Уединенну жизнь хоть многие хвалили // Щербатов М. М. Неизданные сочинения. М., 1935. С. 172. Ср.: «Сия, как я уповаю, есть вещь неоспоримая, что человек сотворен для сообщества; наш собственной разсудок, скука наша быть одним, и удовольствие, которое чувствуем быть с людьми». Он же. О надобности и пользе градских законов // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. № 7. С. 37.

³ Щербатов М. М. Уединенну жизнь... С. 172.

⁴ Такой вид коммуникации можно назвать темпоральным. — О разновидностях интеллектуальных коммуникаций см.: Артемьева Т. В. Интеллектуальная коммуникация и кросс-культурная компаративистика // Философский век. 2006. Вып. 32. Ч. 2. С. 320-323.

страивая тем самым собственное интеллектуальное коммуникативное сообщество. Этот прием был воплощен в тексте «Разговора о бессмертии души»⁵, публицистическом произведении, написанном в 1788 г., т. е. за два года до смерти Щербатова.

Закамуфлированный под философско-отвлеченное сочинение-притчу трактат служил автору не только средством трансляции собственных аксиологических представлений, но и имел острую политическую направленность. При буквальном прочтении «Разговор...», в котором, по словам самого Щербатова, использовалась сюжетная линия платоновского «Федона», выглядит как беседа приговоренного к смерти А. Ф. Хрущова с охраняющим его «бывшим гвардии офицером» Н. Ф. Коковинским⁶. Однако круг персонажей не ограничивается только указанными в диалоге участниками. Он может быть расширен за счет других неназванных прямо фигур, которые входят в группу воображаемых коммуникантов Щербатова.

Прямые ассоциации легко прочитываются: Хрущов — confident возглавившего во времена Анны Иоанновны дворянский заговор А. П. Волынского⁷, автора «Генерального проекта о поправлении внутренних государственных дел», где нашла свое обоснование близкая самому Щербатову идея монархической власти, опирающейся на родовую аристократию⁸. Волынский хотел

⁵ Щербатов М. М. Разговор о бессмертии души // Сочинения князя М. М. Щербатова. Т. 2. Статьи историко-политические и философские. СПб., 1898.

⁶ Там же. Стлб. 312.

⁷ Щербатов часто обращался к фигуре Волынского в своих работах, например: «мне случалось между записками Петра Великого найти один его указ, писанный к тогда бывшему в Астрахани Губернатору, Артемию Петровичу Волынскому, в котором сей Великий Государь, признаваясь, что вина из Астраханского винограда делать не можно, по крайней мере повелевает ему стараться, чтоб сидели французскую водку». Щербатов М. М. Статистика в рассуждении России. М., 1859. С. 23.

⁸ Сословно-дворянские идеи, ярко выраженные у Волынского, «крепнут и достигают полного развития... и под пером таких дворянских публицистов, как кн. М. М. Щербатов». (Готье Ю. В. «Проект поправления государственных дел» Артемия Петровича Волынского // Дела и дни. 1922. Т. 3. С. 31.) Ср.: «Мысль о сотрудничестве правительства и общества был лозунгом движения верховников и шляхетства в 1730 г. Ее положили в основу своих проектов государственной реформы и Артемий Волынский и граф Никита Панин, ее

преобразовать российскую государственную структуру, «возвратить Сенату его прежнее положение и сократить сферу действия Кабинета», основать в России школы и училища, повысить образовательный уровень администрации, в том числе и провинциальной⁹. Волынский и его сподвижники были казнены за свои убеждения. По мнению Щербатова, хорошо знакомого с «делом Волынского»¹⁰ благодаря доступу к императорским архивам, «конфиденты стали жертвами «бириновщины», и их «поносная смерть» была несчастием, а не преступлением»¹¹.

Взятый за основу «Разговора...» платоновский «Федон», повествующий о смерти Сократа («Хрущов сей в таких же обстоятельствах находился, как и Сократ»¹²), создает коммуникативную линию, ведущую от современной Щербатову действительности к греко-римской традиции. В XVIII веке в российской интеллектуальной культуре шел процесс рецепции античного наследия, которое, в условиях модернизации, должно было способствовать становлению европейской идентичности¹³. По мысли Т. А. Сабуровой,

высказывал в своих политических мечтаниях и блестящий публицист екатерининской эпохи... князь Щербатов». (*Вознесенский С.* Городские депутатские наказы в екатерининскую комиссию 1767 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1909. № XII. Отд. II. С. 250-251).

⁹ *Готье Ю. В.* Указ. соч. С. 28. О политической программе Волынского см. также: *Корсаков Д. А.* Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты» (По поводу сооружения памятника на могиле А. П. Волынского, А. Ф. Хрущова и П. М. Еропкина, имеющего быть 27-го июня 1885 г.). Казань, 1885. С. 21-24.

¹⁰ О «деле Волынского», кроме указанного см.: *Вейдемейер А.* Обзор главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны. Ч. 2. СПб., 1848. С. 75-78; Письмо маркиза де-ла-Шетарди из Петербурга (4 апр. 1740 г.) // Маркиз де-ла-Шетарди в России. СПб., 1862. С. 10-11, 67-69; *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1861; *Плотников А. Б.* Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 60-69; *Петрухинцев Н. Н.* Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» А. П. Волынского // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 30-41; *Новикова О. Э.* Липсий в России первой половины XVIII века // Философский век. Альманах. Вып. 10. С. 155-158 и др.

¹¹ *Щербатов М. М.* Разговор о бессмертии души. Стлб. 311.

¹² Там же. Стлб. 312.

¹³ «Ведь Эллада и Рим, — писал П. Н. Черняев — колыбель наших знаний... как отец всегда с удовольствием подходит к колыбели ребенка и с жад-

«актуализация античного компонента в русской культуре приводила к историзации темпоральных представлений и ... стирала временные границы между культурами, превращая античность во временной или современный элемент культуры»¹⁴.

Обращение Щербатова к образу Сократа, «также утверждающего бессмертие души»¹⁵, на наш взгляд, неслучайно¹⁶. Именно Сократ под влиянием современной ему политической действительности поставил вопрос о необходимости нравственного совершенства общества, о взаимозависимости индивидуального и общественного интересов, ориентированных на важнейший вид добродетели — справедливость. По словам Платона, он «хотел бы предотвратить все то множество несправедливостей и беззаконий, которые совершаются в государстве»¹⁷. При этом Сократ, которого впоследствии считали идеалом мудреца, также оказался приговоренным к смерти из-за того, что не отрекся от своих взглядов. «Я удивляюсь, — читаем у Ксенофонта, — как же афиняне поверили, что Сократ неразумно мыслит о богах — Сократ, который никогда не сказал и не сделал ничего нечестивого, а, наоборот, говорил и поступал так, что всякий,

ным интересом следит за первыми попытками малютки ходить, так всегда будет интересно питомцу знаний знакомиться с первыми шагами материнской науки стать на ноги». — *Черняев П. Н.* Пути проникновения в Россию сведений об античном мире. Воронеж. 1911. С. 60.

¹⁴ *Сабурова Т. А.* Модель мира русской интеллигенции XIX столетия // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 296.

¹⁵ *Щербатов М. М.* Разговор о бессмертии души. Стлб. 341.

¹⁶ Образ Сократа в российской интеллектуальной культуре XVIII века складывался постепенно, с момента появления первого «Сократического диалога» Ж. Верне в «Ежемесячных сочинениях» в 1755 г. Были напечатаны, часто в нескольких переводах, важнейшие для Европы произведения сократического цикла (Платона, Ксенофонта, Ф. Фенелона, М. Мендельсона), а также второстепенные, приобретавшие в России особое значение. Подробнее см.: *Костин А. А.* «Галантный» Сократ. К проблеме бытования образа исторической личности в русской литературе конца XVIII века // Русская литература. 2005. № 1. С. 92.

¹⁷ *Платон.* Апология Сократа. 31e // *Платон.* Собрание сочинений / Пер. М. С. Соловьева. М., 2000. Т. 1. Подробнее см.: *Фролов Э. Д.* Платон и тирания // Интеллектуальная элита античного мира. Тезисы докладов научной конференции 8–9 ноября 1995 г. (<http://www.centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/1995-11/frolov.htm>) (июнь, 2008).

кто так говорит и поступает, был бы и считался бы благочестивым человеком»¹⁸. По утверждению Т. В. Артемьевой для Щербатова «существенным было не только то, что говорил философ на пороге смерти, но и то, кем мог быть Сократ в России»¹⁹.

Фамилия Хрущова, предваряющая каждую из его реплик в «Разговоре...», сокращалась до «Хр.». На наш взгляд, это достаточно прозрачная аллюзия на Христа (вспомним православную традицию сокращать под титулом слова, имеющие сакральное значение в текстах Священного Писания), тем более, что и сам Христос неоднократно упоминается в диалоге: «видели самого Иисуса Христа, слышали его учение»²⁰ и т. д. Христос символизирует человека, распятого по наущению толпы, но, как указывает Щербатов, «не взирая на суеверие и строгость начальств, по всюду крест стал победонесен; а наконец и кровию своею истину свидетельства своего запечатлели»²¹. Не стоит напоминать о том, что время изобличило порочность решения толпы, а добродетель Христа оказалась достойной вечного прославления. Автор «Разговора...» пишет, что «дело искупления рода человеческого, воплощение Сына Божия и Его страдания превосходят все понятия разума человеческого»²².

Бессмертие души у Щербатова главным образом связано с Сыном Божьим, судьей людских поступков, знающим об истинных помыслах человека. Для автора важно убедить читателя, что есть высшая справедливость, которая решает, чье поведение было верным на самом деле, вне зависимости от того, какое решение было принято людским судом. Самая главная проверка ожидает человека уже после его смерти («хотя они плотию и умерли, но в самом деле души их живы суть»²³), а наказания за деяния могут быть вечны («в будущем вечное наказание за преступление человек претерпит»²⁴).

¹⁸ *Ксенофонт*. Воспоминание о Сократе I. I. 20 // *Ксенофонт Афинский*. Сократические сочинения / Пер. С. И. Соболевского. М. – Л., 1935. Переизд. СПб., 1993.

¹⁹ *Артемьева Т. В.* Метафизические архетипы в русской культуре. «Русский Федон» // История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 68.

²⁰ *Щербатов М. М.* Разговор о бессмертии души. Стлб. 355.

²¹ Там же. Стлб. 356.

²² Там же. Стлб. 353.

²³ Там же. Стлб. 339.

²⁴ Там же. Стлб. 340.

Поэтому именно Христос является ориентиром для нравственно совершенной личности.

Предполагается, что подбор участников-коммуникантов «Разговора...» неслучаен. Все они невинно пострадали от власти, были приговорены к смерти, твердо следовали собственным убеждениям и пытались, каждый по-своему, улучшить жизнь людей. Этих персонажей разных исторических эпох и культур объединяет и то, что они навсегда останутся славой всего человечества (слова Карамзина, сказанные о Сократе)²⁵.

Анализ интертекстового пространства позволил по косвенным признакам выявить еще одного, незримого участника диалога, чье имя в тексте Щербатова вообще не упоминается. По нашему мнению, образ Сократа, выведенный Щербатовым в «Разговоре...», мало соответствует своему платоновскому прототипу, гораздо ближе к нему стоит Сократ «Меморабилий» Ксенофонта²⁶. Говоря о становлении образа Сократа в эпоху Просвещения, исследователи отмечают трансформацию представлений о Сократе-философе в пользу Сократа-человека. Сократ-мудрец в XVIII в. — это, прежде всего, сторонник учения о едином Боге и бессмертии; не случайно самым востребованным диалогом Платона в это время становится «Федон», а самым распространенным сюжетом, связанным с Со-

²⁵ Карамзин Н. М. Избранные мысли и чувствования. Ч. 1–2. 1827. С. 10. («Сократ был славою не только Афин, но и всего человечества. Счастлив тот, кто о нем слезы проливает».)

²⁶ Как известно, основным источником сведений о Сократе являются сочинения двух его учеников — Платона и Ксенофонта. Как отмечает А. А. Костин, «разница между этими свидетельствами хорошо осознавалась в XVIII веке». (Костин А. А. «Галантный» Сократ. К проблеме бытования образа исторической личности в русской литературе конца XVIII века. С. 92.). О непосредственном знакомстве М. М. Щербатова с сочинениями Ксенофонта говорит список книг, которые хранились в его личной библиотеке. См.: Самарин А. Ю. Русские печатные книги в библиотеке князя М.М. Щербатова // Проблемы источниковедения истории книги. Вып. 3. М., 2000. С. 117-137. Добавим, что на «Киропедию» Ксенофонта Щербатов ссылается и в своей «Истории Российской» («Ксенофонт, весьма верной и сходственной с Священным Писанием писатель, ничего о сем не упоминает»). См.: Щербатов М. М. Сочинения князя М. М. Щербатова. История Российская от древнейших времен до разделения России после Ярослава. СПб., 1901. Стлб. 55.

кратом, — его смерть. На разных полюсах восприятия оказывается, с одной стороны, морализирующий Сократ, гражданин, а с другой — Сократ, проповедник истин, близких по духу рационалистическим религиозным исканиям XVIII века. В первом случае более актуальным источником был Ксенофонт, во втором — Платон²⁷.

Проявленный в России XVIII века интерес к наследию Ксенофонта следует признать вполне обоснованным²⁸. Мнившая себя просвещенной государыней Екатерина II искала своих предшественников среди прославленных героев древности. Основателя Персидской державы, главного героя ксенофоновой «Киропедии», легко было выдать за просвещенного монарха, пекущегося о благе государства и управляемого им народа²⁹. Не случайно императрица «милостиво позволила» посвятить ей «Меморалии» Ксенофонта, переведенные Григорием Полетикою» (как раз они и находились в библиотеке Щербатова)³⁰. Симптоматично, что отрывки из «Киропедии» («Арасп. Повесть, переведенная из Ксенофоновой Киропедии», и «Пантея. Продолжение Араспа из Ксенофоновой Киропедии») и «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта («Сократов

²⁷ Подробнее см.: *Костин А. А.* «Галантный» Сократ. С. 92. (с отсылками к литературе вопроса).

²⁸ В XVIII веке на русский язык были переведены следующие произведения Ксенофонта: Ксенофонт о достопамятных делах и разговорах Сократовых 4 кн. и Оправдание Сократа перед судиями, перев. с греч. Григорием Полетикой. СПб., 1762; Ксенофонт, философа и полководца славного историка о старшем Кире, основателе Персидской монархии, перев. с лат на рус. Григорием Полетикой. СПб., 1759; «Повесть о младшем Кире и о возвратном походе десяти тысяч Греков, перев. с фр. яз. Василием Тепловым». СПб., 1762. См.: *Черняев П. Н.* Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Материалы для истории классического образования в России в био-библиографических очерках его деятелей былого времени. Воронеж, 1906. С. 217.

²⁹ *Борухович В. Д.* Место «Киропедии» в истории греческой прозы // *Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия.* М., 2003. С. 702. В той или иной мере эту версию подтверждает и название, данное академическому переводу этой работы: «Ксенофонт философа и полководца славного историка о старшем Кире, основателе Персидской монархии, с латинского на российский язык». СПб., 1759.

³⁰ *Борухович В. Д.* Место «Киропедии» в истории греческой прозы. С. 702-703 (с отсылками к литературе вопроса).

разговор о братской любви, переведено из Ксенофонта. Сократ и Херекрат» и «О детской должности против угрюмых родителей. Сократов разговор переведенный из Ксенофонта») печатались в «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащие»³¹, где с 1759 г. началась литературная деятельность самого Щербатова³².

Сократ у Ксенофонта — гармоничный, нравственно совершенный человек, личность, воплощающая идеал подлинного единства духовных и физических сил человека: «когда человек не оставляет в умах окружающих памяти о чем-то недостойном и тягостном, а увядает с телом здоровым и с душой, способной любить, разве возможно, чтобы он не возбуждал сожаления»³³. С особой силой эти качества были показаны Ксенофонтом в сцене смерти Сократа, который «выказал силу духа: придя к убеждению, что умереть ему лучше, чем продолжать жить»; при этом «он как вообще не противился добру, так и перед смертью не выказал малодушия; напротив, радостно ожидал ее и свершил»³⁴. Описанный Щербатовым, «безвинно умирающий» Хрущов — благородный и честный человек, «главнейшую надежду полагавший на Бога», стремившийся, как и Сократ, к чистоте своей души. При этом он, не порвавший связи с жизнью даже перед лицом смерти, хотя и умирал «без робости», пожелал сыну стараться «быть достойным любви и сожаления людского»³⁵.

Помимо сходства идей, в «Разговоре...» обнаруживаются скрытые цитаты из Ксенофонта. Например: «вы видите очами, вкушаете языком, обоняете носом, слышите ушами, чувствуете всем телом»³⁶ и «зрелища волнуют посредством глаз, звуки через уши, запахи через ноздри, еда и напитки посредством рта, чувственные удовольствия — известно, посредством чего»³⁷. В построе-

³¹ См.: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761. Май. С. 560-569; июнь. С. 616-625; июль. С. 73-80; авг. С. 541-548.

³² Дьяконов М. А. Выдающийся публицист XVIII в. // Вестник права. № 7. С. 1.

³³ Ксенофонт. Защита Сократа на суде 7 // Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / Пер. С. И. Соболевского. СПб., 1993 (репринт).

³⁴ Там же. 33.

³⁵ Щербатов М. М. Разговор о бессмертии души... Стлб. 358.

³⁶ Там же. Стлб. 319.

³⁷ Xenophon. Hiero I, 4-7 / Ed. E.C. Marchant // Xenophontis opera omnia. Vol. 5. Oxford: Clarendon Press, 1920 (repr. 1969).

ниях Ксенофонта и Щербатова отражением совокупности земных дел и показателем того, какая память осталась о человеке, является душа. «Чтобы и ваше имя... в свете и по смерти вашей знаемо было»³⁸, поэтому «ни один человек не может быть совершенно спокоен, если твердо не уверен в бессмертии души»³⁹. К такой же необходимости хранить память о достойном человеке призывает умирающий Кир: «вам надлежит и к моей душе относиться с благоговением и выполнять мои просьбы»⁴⁰.

Известно, что Щербатов не воспринимался ни современниками, ни потомками как полноценный историограф и литератор. Живя в переходную пору, он оказался маргиналом, ибо время «то академика, то героя, то мореплавателя, то плотника» уже закончилось, а либеральные реформы «властителя слабого и лукавого» еще только ожидали своего осуществления. Точно также и Ксенофонт (тоже живший в кризисную эпоху заката афинской демократии) позднейшей историографией был аттестован как поверхностный и неоригинальный автор, который «не был ни историком типа Фукидида, ни философом масштаба Платона, а его литературная деятельность снисходительно характеризовалась как занятие обычного "майора в отставке"»⁴¹. При этом упускалось из вида, что именно в Ксенофонте естественным образом сочетались качества склонного к рефлексии интеллектуала и практического деятеля. Эти качества не могли не импонировать Щербатову.

³⁸ Там же. Стлб. 333.

³⁹ Там же. Стлб. 318.

⁴⁰ *Ксенофонт*. Киропедия VIII, VII, 22 / Пер., ред. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. 2-е изд. М., 1993. У Платона же душа является выражением божественной сущности совершенного человека: «что отойду, во-первых, к иным богам, мудрым и добрым, а во-вторых, к умершим, которые лучше живых, тех, что здесь, на Земле». — *Платон*. Федон 63 b // *Платон*. Собр. соч. в 4-х томах / Пер. С. П. Маркиша. М., 1990–1994. Т. 2.

⁴¹ *Фролов Э. Д.* Факел Прометея (очерки античной общественной мысли). Л., 1981. С. 303-304 (с отсылками к литературе). Ср.: «...можно счесть счастливой и печальной случайностью в литературе, что сочинение храброго солдата и спортсмена, юмориста и яркого выразителя пережитых приключений на войне и в мирное время, но не глубокого писателя, стали для нас источником истории философии». — *Гомперц Т.* Греческие мыслители. СПб., 1999. Т. 2. С. 125.

Обнаружение фигуры Ксенофонта в тексте «Разговора...» позволяет, на наш взгляд, переосмыслить параметры коммуникативной практики Щербатова, ориентирующейся на мировоззрение и эмоциональный строй личности. Российский мыслитель создает собственное воображаемое пространство, в котором особой значимостью наделяются проекты по формированию идеального государства (Волынский), общества (Сократ) и человека (Христос). При этом в «Разговоре...» образ самого «полузабытого писателя XVIII в.» присутствует, прежде всего, в виде «призрака» Ксенофонта. Щербатов проецирует жизненные коллизии своих «собеседников» на собственные переживания и судьбу⁴², однако личная драма автора «Разговора...» выглядит еще острее, ибо в отличие от них он не имел сподвижников и последователей (учеников, апостолов, конфиденентов).

Таким образом, осуществленная в «Разговоре о бессмертии души» кросскультурная коммуникация и сформированное интеллектуальное сообщество в виде незримой группы собеседников-единомышленников, позволили Щербатову актуализировать духовный опыт прошлого для решения вопросов современности.

⁴² «Я видел над собою многие нещастия, был обманут щастием, претерпел в имениях своих ущерб; лишился своих ближних, которых не перестаю оплакивать». — *Щербатов М. М.* Письмо к вельможам правителям государства // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 2.